УДК 343.14
DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-1-93-106
EDN: FFTMPI

CC BY

Оригинальная научная статья

Становление и развитие института уголовно-процессуального доказывания

А. В. Смолин
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация
✉ *avsmolin1@gmail.com*

Аннотация. Выполнение ключевой функции уголовного судопроизводства – разрешение дела по существу – невозможно без уголовно-процессуального познания всех обстоятельств совершенного преступления. Фундаментом этой деятельности является уголовно-процессуальное доказывание, представляющее собой весьма сложную, многоуровневую систему. «Первокирпичиком» такой системы выступает доказательство. В настоящий момент имеются серьезные противоречия в отношении и взаимосвязи источников доказательственной информации, средств доказывания, да и самом процессе доказывания. Собирание, проверка, оценка и представление доказательств, как в теории, так и на практике часто порождают незаконные, несправедливые и необоснованные уголовно-процессуальные решения в досудебном производстве и в суде. Несмотря на обилие выдвинутых точек зрения на проблемы теории доказательств, нестабильность следственной и судебной практики по вопросам, связанным с доказыванием, свидетельствует, что в настоящий момент в данной области остается большое количество нерешенных проблем, в том числе и на законодательном уровне. В связи с этим представляется актуальным проведение исследования по историко-правовым аспектам института доказательств и доказывания в отечественном законодательстве в целях выявления предпосылок его зарождения и закономерностей развития. Проведенное исследование имеет теоретическое и практическое значение. В первом случае оно вносит свой вклад в разработанность данной тематики. Во втором – выведенные закономерности позволяют использовать их в дальнейшем при выработке рекомендаций по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства. Автор приходит к выводу, что понятие «доказательство» за многовековую историю изменилось от средства, обосновывающего выдвинутое требование в контексте «доказательство-аргумент», до элемента системы доказательств, включающей источник, содержание и процессуальную форму. Кроме того, были сформулированы критерии анализа состояния развития доказательственного права.

Ключевые слова: доказательство, доказывание, Русская Правда, Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Устав уголовного судопроизводства 1864 г., УПК РСФСР 1923 г., УПК РСФСР 1960 г.

Для цитирования: Смолин А. В. Становление и развитие института уголовно-процессуального доказывания // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 1. С. 93–106. DOI: https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-1-93-106. EDN: https://elibrary.ru/fftmpi

© Смолин А. В., 2024

Original scientific article

Development of the Institute of Criminal Procedural Evidence

A. V. Smolin
Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhniy Novgorod, Russian Federation
✉ *avsmolin1@gmail.com*

Abstract. The fulfillment of the key function of criminal proceedings – the resolution of the case on the merits – is impossible without criminal procedural knowledge of all the circumstances of the crime committed. The foundation of this activity is criminal procedure and evidence, which is a very complex, multi-level system. The foundation of such a system is evidence. At present, there are serious contradictions in how the sources of evidentiary information, evidence of practice, and proof are interrelated. Collection, verification, evaluation and presentation of evidence, both in theory and in practice, often give rise to non-legal, unfair and unjustified criminal procedural decisions in pre-trial proceedings and in court. Despite the plethora if views on the theory of evidence, the lack of consistency in investigative and judicial practice with regard to the evidence suggests that at present there are a large number of unresolved problems in this field as well as on the legislative level. In this regard, it seems necessary to conduct a study on the historical and legal aspects of the institute of evidence and proof in domestic legislation in order to identify the prerequisites of its origin and patterns of development. The conducted research has theoretical and practical significance. First, it contributes to the development of the topic under discussion. Second, the identified regularities allow us to use them to develop recommendations on improving the current criminal procedural legislation. The author concludes that with lapse of time, the concept of evidence has changed: from a means of substantiating guilt in "evidence-argument" terms to an element of the system of evidence including source, content and procedural form. In addition, the criteria for analyzing the development of evidence law have been formulated.

Keywords: evidence, proof, the Russian Pravda, Judicial Code of 1497, Judicial Code of 1550, Statutes of Criminal Procedure of 1864, Code of Criminal Procedure RSFSR of 1923, Code of Criminal Procedure of RSFSR of 1960

For citation: Smolin A. V. Development of the Institute of Criminal Procedural Evidence. *Siberian Law Review.* 2024;21(1):93-106. DOI: https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-1-93-106. EDN: https://elibrary.ru/fftmpi (In Russ.).

Введение

Деятельность по выявлению и расследованию преступлений – это опосредованный процесс восприятия субъектами доказывания и иными участниками уголовного судопроизводства преступного события, произошедшего в прошлом, по тем отображениям, которые образовались в результате его совершения. Вероятно, в данном случае на первое место выходят не столько изменения, произошедшие в среде, сколько возможность осуществления с ними познавательной деятельности субъектами расследования. Выявление отображения, возникшего в результате совершенного преступления, раскрытие его содержания и интерпретация в целях достижения задач уголовного судопроизводства – и есть процесс доказывания. Данная деятельность представляет собой сложнейший механизм, состоящий из взаимосвязанных элементов, главным из которых, образующим и связующим, является доказательство.

© Smolin A. V., 2024

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе России понятие доказательств закреплено в ч. 1 ст. 74: «Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Несмотря на законодательное закрепление, в доктрине уголовного процесса развернулась полемика относительно содержания и иных структурных элементов доказательства. Данный вопрос имеет серьезное научное и практическое значение. Противоречивые взаимосвязи между его элементами и непосредственно самим доказательством и иными компонентами механизма доказывания, часто порождают незаконные, несправедливые и необоснованные уголовно-процессуальные решения в досудебном производстве и в суде. Очевидно, что становление института доказательств в отечественном законодательстве обусловлено многовековыми процессами развития Российского государства и его правовой системы. Доказательство – сложное понятие. Непосредственно оно не существует в окружающем мире. Следовательно, доказательство – результат познавательной деятельности. Но во все ли времена оно таковым являлось? Поиск решения указанной проблемы необходимо начать с проведения историко-правого анализа института доказательств и доказывания в отечественном законодательстве. Это позволит выявить закономерности его зарождения и развития, а также установить необходимые критерии анализа всей совокупности норм, регламентирующих уголовно-процессуальное доказывание.

Появление закона и его совершенствование должно отвечать интересам и уровню развития общества. Так, необходимость появления первых норм регулирования судопроизводства, и доказывания в частности, была вызвана необходимостью ограничения мести и самоуправства. Появляющиеся споры не всегда могли успешно разрешаться сторонами. Это привело к необходимости участия в данном процессе третьего независимого участника, который и принимал бы решение в спорных ситуациях, а стороны убеждали бы его в своей правоте. Так появилась необходимость в таком институте, как доказывание, стало отправной точкой его зарождения.

Источники древнерусского права – зарождение доказательств

Главным источником и памятником древнерусского права является Русская Правда, которая включала положения различных отраслей права, преимущественно уголовного и процессуального, но четкого разделения на них в данном акте не было. Источником Русской Правды выступало обычное право, при этом она объединяла совокупность княжеских законов, которые принимались в период с XI по XIII вв. Право в тот период находилось на этапе своего зарождения, в связи с чем оно было весьма примитивно. Доказательства – в современном их понимании в законе отсутствовали. В качестве них выступали подтверждения обоснованности выдвигаемых требований истцом, которые он самостоятельно собирал и представлял суду. Некоторые авторы и вовсе полагали, что Русская Правда не содержала судебных доказательств. М. Ф. Владимирский-Буданов поддерживая данную точку зрения, отметил: «то, что мы ныне называем судебными доказательствами, в то время было средствами сторон в их современном понимании; суд лишь регулировал и уравнивал эти средства» [1, с. 619]. В современном понимании, доказательство – это не только довод одной

из сторон. Доказательство, это прежде всего – уголовно-процессуальная форма закрепления информации, при помощи которой могут быть установлены обстоятельства совершения преступления. Из текста Русской Правды вытекают две допустимые формы закрепления доказательственной информации: показания лиц и внешний вид потерпевшего. Но на практике использовались и другие, по содержанию более напоминающие средства доказывания: присяга (рота) и суды Божьи. Таким образом, хоть и довольно условно, по сути, приравнивая средства получения доказательств и сами доказательства, содержащиеся в Русской Правде обоснования сторон можно назвать таковыми.

Как характерную черту доказывания того периода необходимо отметить то, что субъектами доказывания выступали обе стороны. В собирании обоснований выдвинутого иска выступал не только истец, но и обвиняемый, который, как отмечал И. Я. Фойницкий, «был вынужден участвовать в отыскании и предоставлении доказательств в свою пользу, поскольку их отсутствие или неубедительность рассматривались как свидетельство его виновности»[1]. Суд не принимал участия в собирании доказательств. Роль суда заключалась в беспристрастном оценивании собранных сторонами доказательств и вынесении итогового решения по делу. Самостоятельного собирания доказательств суд не производил, при этом он мог направлять ход расследования, определяя сторонам конкретный перечень доказательств, которые должны быть ими предоставлены. Данные признаки подчеркивают состязательность процесса того времени.

Определенный интерес представляет рассмотрение процессуальных форм и средств закрепления доказательственной информации, поскольку они отражают мировоззренческие идеи уголовно-процессуального права Древней Руси.

1. Показания лиц. Во все времена наиболее распространенным источником доказательственной информации выступали лица, которые непосредственно и опосредовано воспринимали обстоятельства совершенного деяния. Это относилось и к Древней Руси, где к показаниям как виду доказательств относились с наибольшим доверием. Характерной особенностью являлось то, что личное признание ответчика было безусловным доказательством его вины, не требовавшим подкрепления иными доказательствами. В других же случаях одним из наиболее распространенных доказательств выступали показания свидетелей. По Русской Правде все свидетели подразделялись на послухов и видоков. До настоящего момента так и нет единой позиции по поводу различия данных видов свидетелей. Наиболее распространена позиция, согласно которой видоки являлись непосредственными очевидцами совершения преступления и самостоятельно воспринимали происходящее событие, а послухи обладали информацией, полученной с чужих слов, т. е. восприняли ее от третьих лиц. Или же, как отметил Г. И. Загорский, «послухами и пособниками признавались лица, которые могли подтвердить добросовестность истца либо ответчика, т. е. являлись свидетелями их “доброй славы”, хотя сами не являлись очевидцами события преступления» [2, с. 33]. Проводя аналогию с современным уголовно-процессуальным правом, Е. В. Староверова отождествила видоков и послухов с очевидцами и свидетелями, соответственно [3]. С точки зрения процессуальной формы, необходимость данного разделения в Русской Правде не до конца понятна, поскольку показания обоих категорий лиц признавались равносильными доказательствами.

[1] *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства / общ. ред., послесл., прим.: А. В. Смирнова. СПб. : Альфа, 1996. Т. 1. С. 32.

Имел значение лишь статус свидетелей. Ими могли выступать только свободные люди (ст. 37 Пространной Правды использует термин «свободный муж»). Но при этом были и исключения из данного правила. Статьи 66 и 85 Русской Правды (пространная редакция) вводят ограничения на использование показаний холопов в качестве свидетелей. Так, согласно данным статьям, их показания или вовсе не принимались в расчет или же только в том случае, если на их использовании настаивает истец. Данными показаниями не могла устанавливаться виновность обвиняемого, а только решаться вопрос об обоснованности выдвинутого требования в отношении данного холопа. В некоторых случаях в качестве свидетелей допускались боярские тиуны – холопы высшего рода, и закупы – один из видов зависимого населения в Древней Руси [4, с. 106]. Некоторые авторы выделяли и другие требования, которыми должен обладать свидетель. Так, С. О. Пахман отмечал, что послух должен обладать рядом качеств, в том числе быть «добрым», «правдивым» и «богобоязненным» [5, с. 54–57].

2. Внешний вид потерпевшего. Статья 2 Русской Правды (краткая редакция) устанавливала порядок доказывания при причинении телесных повреждений. Так, при наличии видимых признаков ударов не требовалось наличия свидетельских показаний. При этом, каким образом происходил осмотр и с привлечением каких лиц, в законе не указано. В связи с этим можно сделать вывод, что в данном случае было достаточно демонстрации потерпевшим побоев суду.

3. Присяга (рота). Данный способ доказывания, как правило, применялся перед различного рода ордалиями, поскольку считалось, что рота очищает человека от нечистой силы. Однако были и другие способы ее применения. Как отметил В. В. Терехин, «рота как основное доказательство использовалась в двух случаях: по делам, где сумма иска была менее 2-х гривен и отсутствовали в необходимом количестве послухи, а также по делам, где вовсе отсутствовали свидетели, и дело о разрешалось именно ротой – клятвоприношением, совершаемым тяжущимися» [6, с. 50]. Были также случаи использования ее в качестве дополнительного доказательства в тех случаях, когда она подтверждала показания свидетелей и другие доказательства по делу отсутствовали.

4. Суды Божьи. Важной особенностью доказательственного права того периода выступало то, что в случаях, когда не хватало доказательственной информации или же были сомнения в полученной, применялись различного рода испытания: жребий, ордалии и поле. При этом Н. Н. Ступников также отмечал, что «данные доказательства могли использоваться как самостоятельно, так и в дополнение к другим, имея вспомогательное значение» [7, с. 43]. Так, по упоминанию Н. М. Карамзина, «обвиняемый брал в голую руку железо раскаленное или вынимал ею кольцо из кипятка: после чего судьям надлежало обвязать и запечатать оную. Если через три дня не оставалось язвы или знака на коже, то невиновность была доказана» [8, с. 71]. Считалось, что и огонь способен изобличить виновного. Если после его воздействия подозреваемый получал ожог, то он считался виновным в преступлении и должен был понести наказание. Данные способы доказывания говорят о сильном религиозном влиянии на законы того времени, веру судей в «очистительную» силу действия стихий и возможность «божественного» разрешения возникшего правового спора.

Еще одной разновидностью ордалий, используемых в Древней Руси, являлся судебный поединок – поле. Несмотря на отсутствие указания о его проведении в Русской Правде, поле часто выступало способом доказывания вины. Как отмечал

Н. Гартунг, первые упоминания об использовании такого рода судебного поединка упоминаются в Договоре 1229 г. Смоленского князя Мстислава с Ригой [9, с. 82]. Оно представляло собой открытую вооруженную схватку, победивший в которой признавался невиновным. Он применялся, когда стороны были не согласны с решением суда. Важным условием проведения поединка выступало равносилие сторон. Его соблюдение, как и в целом подготовка и проведение поединка, были обязанностью суда. В случаях, если одна из сторон значительно уступала в физическом плане другой, слабейшая сторона имела право пригласить на поединок для защиты собственных интересов наемного бойца. При этом важно отметить, что целью поединка было именно решение сложившегося спора, а не причинение увечий или смерти одной из сторон.

Также Русская Правда содержала и другие способы, использовавшиеся при разрешения возникшего уголовно-правового спора: заклич, свод, гонение следа. При этом они представляли собой установленную законом процедуру, которая могла привести к обнаружению доказательств, но сами по себе доказательственную информацию закреплять не могли.

Таким образом, общей характерной особенностью доказательственного права периода Древней Руси является отсутствие системности и подробной регламентации основных элементов механизма доказывания. Некоторые положения, касающиеся преимущественно средств и способов доказывания, разбросаны по различным статьям. Хоть условно мы и признаем, что Русская Правда содержала понятие доказательств, но в сущности ими выступают формальные подтверждения обоснованности выдвигаемого иска одной из сторон. Законом предусмотрены две основные уголовно-процессуальные формы закрепления доказательств: показания лиц и внешний вид потерпевшего. Из-за того, что их перечень достаточно мал, суду периодически приходиться прибегать к иным средствам доказывания – ордалиям, необоснованно создающим угрозу жизни и здоровья участвующим в процессе лицам и не преследующим своей целью получение информации, имеющей значение для разрешения возникшего спора, в сущности делегирующим ответственность за принятие окончательного решения «делу случая». Это приводило и к тому, что для принятия решения по делу суду не требовалось собрать систему непротиворечивых доказательств, позволяющих вынести обоснованное решение. Достаточно было одного убеждающего сильного довода: личное признание вины имело большее значение, чем иные доказательства. О наличии определенной силы доказательств говорило и то, что при доказывании имел значение социальный статус лица, выступающего свидетелем. Вопрос о достоверности доказательств практически не ставился. В качестве способа их проверки могли выступать либо ордалии, либо присяга, в действительности сводя ее к формализму. В сущности, все доказательства считались справедливыми.

При разрешении возникшего спора преобладают различного рода суеверия – суды Божьи и судебные поединки, тем самым снижая объективность рассмотрения дела. Все это еще раз подчеркивает, что институт доказывания во времена Русской Правды только начал свое зарождение. Доказательство и механизм доказывания были примитивны, неоднородны, отсутствовала единая практика применения норм права, а какая-либо процедура в законе не была закреплена, тем самым основная роль в регулировании разрешения возникших споров находилась в руках суда.

Развитие средств доказывания в средние века

Следующим этапом развития отечественного государства стало Средневековье.

Основным источником уголовно-процессуального права Московского Государства являлся Судебник 1497 г., который стал первым кодифицированным сводом законов, объединивший и систематизировавший ранее существовавшие правовые акты: Русскую Правду, судные и уставные грамоты.

Уголовное судопроизводство данного периода характеризовалось двумя формами процесса: обвинительным и розыскным. Первый применялся при рассмотрении гражданских и уголовных дел, второй при расследовании тяжких преступлений. Доказательственное право в средние века не претерпело серьезных изменений. Нормы доказывания по прежнему не были подробно описаны и систематизированы. К неоспоримому доказательству по делу продолжало относиться собственное признание вины обвиняемым, которое становилось безусловным доказательством его виновности.

Государство постепенно расширяет свое участие в судопроизводстве. Как отметил П. В. Козловский: «В законодательстве московского периода четко прослеживается стремление по делам, представляющим публичный интерес, обеспечить более высокие гарантии достоверности доказательств. Хотя делается это в основном через усиление формальных требований к процедуре расследования» [10, с. 24].

Перечень доказательств остается прежним, но постепенно развиваются средства их получения. Показания свидетелей перестают подразделяться на виды. Судебник называет всех свидетелей послухами. Необходимым условием свидетельских показаний выступает непричастность к делу. По делу начинают допускаться показания лиц всех сословий, однако они по-разному оцениваются. Как отмечал С. Герберштейн, «Свидетельство одного знатного мужа имеет больше силы, чем свидетельство многих людей низкого звания»[2]. Перечисленное говорит об отсутствии равновесности доказательств.

Определенным негативным моментом является нормативное закрепление применения пытки для получения признательных показаний. При этом, «достоверность полученных таким образом сведений под сомнение не ставилась, подобные же способы получения информации считались в течение нескольких веков не только законными, но и оправданными, к тому же в этот период имело место уравнивание доказательств и средств (способов) их получения»[3].

Последовавший за Судебником 1497 г. Судебник 1550 г. во многом повторял по содержанию своего предшественника, поэтому доказательственное право опять же не претерпело никаких существенных изменений и находилось на том же уровне развития, что и во времена древнерусского государства. Немного расширяется перечень доказательств, помимо свидетельских показаний, средством доказывания становится повальный обыск. Безусловное доверие приобретают письменные доказательства, фактически возвышаясь над другими видами доказательств. По сравнению с Русской Правдой, доказательственное право данного периода лишь расширило перечень возможных средств получения доказательственной информации и процессуальных форм ее закрепления.

Говоря о совершенствовании всей системы уголовного судопроизводства и системы доказательств, в частности, нельзя не отметить сильное влияние на этот

[2] *Герберштейн С.* Записки о Московии : в 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич. М. : Памятники исторической мысли, 2008. Т. I : Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А. В. Назаренко. С. 261.

[3] *Абросимов И. В.* Актуальные вопросы обеспечения допустимости и достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 16.

процесс, как отметил С. Пахман, «начала Государственного. Из этого начала, с одной стороны, выработался административный характер судопроизводства, а с другой – проистекло отделение уголовного процесса от гражданского, имевшего первоначально исключительно-практическое основание; принадлежностью уголовного процесса была пытка, а гражданского – присяга и поединок» [5, с. 210].

Следующим этапом развития Российского государства стало принятие Соборного уложения 1649 г. В этот период все доказательства по делам распределялись на три группы: 1) свидетельство самих тяжущихся – собственное признание и присяга (крестное целование); 2) показания свидетелей и письменные доказательства; 3) жребий. Основным доказательством при расследовании тяжких преступлений по-прежнему было личное признание обвиняемого, полученное под пыткой, а также его репутация, которая выяснялась путем опроса соседей. Их показания в совокупности с данными о наличии либо отсутствии судимости являлись основанием для применения в отношении подозреваемого пытки как способа получения от него признательных показаний. Рассмотрение дел небольшой тяжести проводилось с использованием свидетельских показаний. Судебный поединок как способ разрешения спора не предусматривался законом. Сведено к минимуму было использование при доказывании одной из сторон присяги. Общей важной особенность уголовного судопроизводства была возрастающая роль суда в доказывании. Он имел полномочия отклонять доказательства, определял силу и значение принятых им доказательств. Общей характеристикой доказательственного права данного периода можно считать определенную рационализацию доказательств, поскольку различного рода ордалии все реже используются для установления обстоятельств совершенного преступления, а их место занимают предусмотренные законом объективные способы доказывания.

Определенные изменения в доказательственном праве произошли в конце XVII в. 21 февраля 1697 г. был принят именной Указ об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе иных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах. Он ослабляет состязательную форму уголовного судопроизводства. Законодатель обосновал это тем, что получили широкое распространение случаи злоупотребления процессуальными правами со стороны «тяжущихся». Розыск теперь понимается в двух значениях: установление истины (расследование обстоятельств) и особой формы судопроизводства. Основной чертой данного периода стал переход к формальной теории доказательств. Законодатель наделил доказательства заранее предустановленной силой и обязал суд при их оценке руководствоваться данными правилами. Главная роль в доказывании отводилась суду. Как отметили Т. Т. Алиев и Е. А. Нахова: «Все доказательства собирались до начала судебного разбирательства, вопрос о допуске доказательств решался судом, в исследовании доказательств участвовал только суд» [11, с. 19].

Возросшая роль суда имела и свои негативные последствия, выразившиеся в прогрессирующем судебном произволе. Как отметил В. Д. Спасович, «старинный суд был уже настоящим анахронизмом» [12, с. 184], что привело к необходимости его реформирования. Принятие Краткого изображения процессов или судебных тяжб 1716 г. ознаменовало окончательный отказ от обвинительного процесса и переход к инквизиционному. Роль суда была ограничена законно наделенной силой каждого доказательства, в связи с чем, суду оставалось лишь механически их взвешивать. Важной особенностью стала четкая систематизация и подробное описание

перечня доказательств. Ими являлись: собственное добровольное признание; свидетельские показания; письменные доказательства; присяга. Наибольшей доказательственной силой продолжает обладать личное признание вины подозреваемым – в случае его наличия другие доказательства не требовались, суд имел право постановить приговор только основываясь на нем. При этом к признанию вины относился ряд требований. Так, добровольное признание должно было быть сходно с происшедшими действиями и добровольно сказано подсудимым в суде перед судьей.

Следующей важной особенностью стало ограничение применение пытки. Она могла применяться только в трех случаях: когда преступление несомненно; когда против подсудимого есть сильные улики или полудоказательства; когда подсудимый не сознается в преступлении [12, с. 186].

Подробное законодательное регулирование получили показания свидетелей. Интереса заслуживает достаточно широкий перечень лиц, чьи показания не могли использоваться в доказывании, и возможность их отвода сторонами. Гарантией правдивости показаний, данных свидетелями, являлось приведение их к присяге перед допросом. Допрос проводился только судом, как правило, в отсутствие сторон.

Данный период ознаменовался господством формального подхода к оценке доказательств. Закон строго закреплял силу каждого доказательства и не допускали малейшего отхода от них. Принятие Краткого изображения процессов или судебных тяжб ознаменовало окончательный переход к формальной теории доказательств. В связи с этим необходимо констатировать, что с XV до XVIII вв. в отечественном государстве шла тенденция ограничения роли суда в исследовании доказательств и их оценки, сведя его роль исключительно к функции вынесения окончательного решения по делу. Но такой подход имел массу негативных последствий, серьезно сказывающихся на судебной практике. А. Ф. Кони отмечал: «Масса дел оканчивалась в то время приговором, в котором из-за формальной правильности и полного соответствия действовавшим правилам о доказательствах ярко сквозило материальное неправосудие, причем во всей красе сказались и молчание связанной по рукам и ногам судейской совести, и апатичная работа притупившегося на механическом применении закона» [13, с. 40]. В таком виде система уголовного судопроизводства не могла долго существовать. Как справедливо отметила Е. В. Брянская, «недостатки организации и деятельности судебной системы, такие как: сословность, зависимость от императора и исполнительной власти, разыскной тип уголовного судопроизводства, в процессе которого позволялось рассматривать уголовные дела на основе письменности, тайности, формальной теории доказательств, явились предпосылками острой потребности в проведении судебной реформы» [14, с. 17–18].

«Великая реформа» и советский период. Становление института доказательств и доказывания

20 ноября 1864 г. Александр II утвердил Устав уголовного судопроизводства, который коренным образом изменил судебную систему России. Устав в целом упорядочил процесс производства по делу, но при этом вопрос доказывания остался без особого регулирования, разрешение большинства вопросов было отдано на усмотрение субъекта доказывания. В первую очередь это было достигнуто благодаря отмене системы формальных доказательств. Устав закреплял, что оценка доказательств судом должна осуществляться исключительно на основе

внутреннего убеждения, а приговор должен выноситься по совокупности исследования всех обстоятельств дела. Тем самым было изменено понимание доказывания. Теперь оно заключалось в свободном логическом процессе убеждения.

Под доказательствами стали пониматься основания убеждения участников уголовного судопроизводства в правдивости или ложности каких-либо фактов. Систематизация норм доказательственного права в Уставе не была произведена, они по-прежнему располагались в разных главах. Перечень закрепленных в законе доказательств расширился. Ими являлись: собственное признание; свидетельские показания; экспертиза (закон называл ее испытанием); результаты осмотра, освидетельствования, обыска или выемки; дознание через «окольных» людей; вещественные и письменные доказательства.

Важной особенностью стало то, что бремя доказывания легло на сторону обвинения. Произошли и другие изменения, улучшившие положение обвиняемого и расширившие его возможности защиты. Появилась возможность признания доказательств недействительными, если они противоречат обстоятельствам уголовного дела или получены с нарушением закона. Признание вины подсудимым перестало считаться лучшим доказательством, кроме того, запрещено было для его получения использовать различного рода угрозы и насилие. Закон предписывал принимать решения на основании совокупности доказательств.

Судебная реформа, проведенная Александром II повсеместно характеризуется эпитетом «великая», что в действительности отражает новаторский подход при разработке правовых норм Устава уголовного судопроизводства, соответствующий тенденциям мирового уголовного процесса того времени. Она развернула вектор развития судопроизводства, вновь привнеся в него элементы состязательности, при котором равными правами предоставления и исследования доказательств стали обладать обе стороны, а также же вернула независимость субъектам принятия процессуальных решений.

С небольшими изменениями, но в направлении демократизации развитие уголовного процесса продолжилось вплоть до конца XIX в. Однако события 1917 г. в России не могли не затронуть все сферы деятельности государства, в том числе и правоохранительную и судебные системы, что привело к новым веяниям в судопроизводстве и принятию Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в 1922 г., а затем с небольшими изменениями в 1923 г.[4]

Структуру УПК РСФСР 1923 г. составляли 5 разделов, именуемые отделами. Они содержали: общие положения уголовно-процессуального закона, относящиеся ко всем стадиям судопроизводства; производство предварительного следствия и дознания; производство в народном суде; производство в губернских судах и в трибуналах; производство в Верховном Суде; исполнение приговора. Такая четкая структурированность впервые привела и к систематизации положений доказательственного права и выделении их в самостоятельную главу (гл. IV. О доказательствах). Если в ранее действовавших нормативных правовых актах определенные нормы доказательственного права были закреплены или в отдельных статьях, касающихся конкретного состава преступления, или главах, регламентирующих определенную стадию производства по делу, то теперь выделение их в отдельную самостоятельную главу можно назвать попыткой стандартизации

[4] В связи с тем, что УПК РСФСР 1922 г. официально просуществовал всего несколько месяцев, а УПК РСФСР 1923 г. фактически являлся лишь его новой редакцией, то видится целесообразным провести анализ норм на основе последнего акта.

и выработки единой практики применения норм доказательственного права на всех стадиях и уровнях производства по делу.

Также систематизирован был и перечень доказательств, который теперь содержался в одной статье. Ими могли являться: показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого. Новшеств здесь не произошло, указанные виды доказательств уже были хорошо знакомы.

УПК РСФСР 1923 г. сохранил принцип свободной оценки доказательств на основе внутреннего убеждения. Суд был обязан принимать решение на основе рассмотренной и подтвержденной в судебном заседании совокупности доказательств. Единственное требование относящееся к доказательствам, которое вытекало из смысла закона, заключалось в том, что они должны были служить средством установления обстоятельств, имеющих значение для расследования.

В отношении допустимости оценки доказательств формально закрепленных требований закона в Кодексе, практически, не содержалось. Согласно ст. 57 вопрос о допустимости того или иного доказательства по делу решал суд. Как отметил В. В. Терехин, «критериями допустимости доказательств по УПК РСФСР 1922 года (а он по содержанию повторяет УПК РСФСР 1923 г. – *А. С.*) следует считать предусмотренные законом источники и способы собирания доказательств, а также установленная законом форма их фиксации» [15, с. 12]. Согласно выработанной судебной практике в качестве доказательств не принимались сведения, которые не подпадали под закрепленный законом перечень процессуальных форм[5].

В целом УПК РСФСР 1923 г. содержал довольно развитую систему доказательственного права, большинство положений которого перешло из Устава 1864 г., будучи лишь более структурированными. Она предполагала принятие процессуальных решений только на основе системы проверенных в суде доказательств, что способствовало большей объективность рассмотрения дела. Однако политические события того периода привели к появлению и частому применению различных форм чрезвычайного уголовно-процессуального законодательства, предполагавшего даже в некоторых случаях рассмотрение дел несудебными органами. Представляется, что это было одним из оснований, которые побудили законодателя впоследствии усложнить и строже формально определить процессуальную форму доказывания.

При принятии следующего уголовно-процессуального закона государство сделало уклон на укрепление законности и ограничение произвола правоохранительных органов. В результате этого произошли, в том числе, и изменения доказательственного права. УПК РСФСР 1960 г. содержал самостоятельную главу, посвященную доказательствам, положения которой распространялись на все стадии производства по делу. В законе впервые была закреплена содержательная дефиниция доказательств: это любые фактические данные, на основе которых субъекты доказывания устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, в том числе наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица.

Развитие понятия доказательства, рассмотрение его одновременно в виде синтеза содержания и процессуальной формы привело к выработке таких его свойств, как относимость и допустимость. Несмотря на то что в законе критерии

[5] *Памятники* российского права : учеб.-науч. пособие : в 35 т. / О. В. Бобровский [и др.] ; под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М. : Юрлитинформ, 2016. Т. 29 : Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР. С. 103.

допустимости не были предусмотрены, в правоприменительной практике, выработанные теорией, они активно применялись при проверке и оценке доказательств[6].

Кодекс предусматривал следующие формы закрепления доказательств: показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого (ранее показания потерпевшего и подозреваемого самостоятельным видом доказательств не являлись. – *А. С.*); заключение эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы. Впоследствии к ним были добавлены акты ревизий и документальных проверок. По сравнению с ранее действовавшим Кодексом, этот перечень существенно увеличился.

Закон получил более широкий и закрепленный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу: событие совершения преступления; виновность обвиняемого и мотивы совершения преступления; обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого; характер и размер ущерба; обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Ранее этот перечень исключительно зависел от субъекта доказывания и ограничивался его состоянием убежденности при принятии процессуального решения.

Принцип свободы оценки доказательств на основе внутреннего убеждения вновь получил свое законодательное закрепление. Он должен был реализовываться посредством всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех обстоятельств дела в совокупности. Помимо основополагающего начала закона, субъект доказывания должен был руководствоваться социалистическим правосознанием. В этих положениях явно прослеживается дух государственной идеологии того времени.

Относительно критерия допустимости доказательств необходимо отметить, что серьезные изменения произошли в 1993 г., когда в ст. 69 была добавлена часть, согласно которой доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, подлежащих установлению.

Заключение

Таким образом, за многовековую историю институт доказательств претерпел существенные изменения. Это касается и его понимания: от обоснования выдвинутого требования в контексте «доказательство-аргумент» до элемента системы доказательств, включающей источник, содержание и процессуальную форму. На его развитие влияли политические и экономические факторы, в связи с чем изменения в нем обусловлены не научными разработками, а режимом правящей власти. Серьезные изменения последней на всем протяжении развития отечественного государства влекли за собой частные корректировки закона, что не могло не касаться и доказательственного права.

Явный диссонанс положений доказательственного права между периодом Древнерусского государства, Средневековья и современным процессуальным законом приводит к необходимости формирования критериев анализа состояния развития доказательственного права. Можно констатировать, что о развитии состояния института доказывания говорит:

1) системность и нормативная закрепленность норм доказательственного права;

2) наличие установленной законом процессуальной формы закрепления доказательственной информации;

3) подробность процессуальной регламентации законных средств получения доказательств, не допускающих нарушения основных прав и свобод человека;

[6] *Памятники* российского права ... С. 327.

4) необходимость принятия окончательного процессуального решения на основе системы доказательств, не имеющих предустановленной законом силы;

5) возможность проверки сторонами и судом собранных доказательств;

6) наличие оснований для признания доказательств недопустимыми.

Список литературы

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. 800 с.
2. Загорский Г. И. Доказывание в древнерусском уголовном судопроизводстве (к 1000-летию Русской Правды) // «Русская Правда»: проблемы происхождения и изучения памятника права. Правопонимание и правовое регулирование в истории России (к 1000-летию появления писаного права на Руси) : материалы круглого стола 10 нояб. 2016 г. М. : Рос. гос. ун-т правосудия, 2017. С. 32–40.
3. Староверова Е. В. Новый взгляд на «видоков» и «послухов» Русской Правды // Российское государствоведение. 2018. № 2. С. 21–27.
4. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1984. Т. I : Законодательство Древней Руси. 432 с.
5. Пахман С. О. О судебных доказательствах по древнему русскому праву в историческом их развитии. М. : Унив. тип., 1851. 224 с.
6. Терехин В. В. Древнерусский уголовный процесс (источники, принципы, доказательства и условия их допустимости // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 47–51.
7. Ступникова Н. Н. Особенности уголовного процесса и процедуры доказывания в Древней Руси // Вопросы российского и международного права. 2011. № 1. С. 31–46.
8. Карамзин Н. М. История государства Российского. М. : Олма-Пресс, 2003. 879 с.
9. Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России. СПб. : Тип. Э. Арнгольда, 1868. 206 с.
10. Козловский П. В. Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение : моногр. М. : Юрлитинформ, 2014. 196 с.
11. Нахова Е. А., Алиев Т. Т. История становления доказательственного права как комплексного института российского права // История государства и права. 2007. № 19. С. 18–20.
12. Спасович В. Д. Сочинения : в 10 т. 2-е изд. СПб. : Юрид. кн. склад «Право», 1913. Т. 3 : Статьи, диссертации, лекции юридического содержания. 544 с.
13. Виницкая Ю. Л. К вопросу о понятии непосредственности в уголовном процессе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16, № 1. С. 35–43. DOI: https://doi.org/10.14529/law160106
14. Брянская Е. В. О развитии доказательств в уголовном процессе дореволюционной России // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4 (67). С. 15–20.
15. Терехин В. В. Допустимость доказательств на начальном этапе исторического развития советского уголовно-процессуального законодательства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 9–13.

References

1. Vladimirskii-Budanov M. F. *Review of the History of Russian Law*. Moscow: Territoriya budushchego Publ.; 2005. 800 p. (In Russ.).
2. Zagorskii G. I. Substantiation in Old Russian Criminal Proceedings (in Relation To Thousandth Anniversary of Russkaya Pravda (The Russian Justice)ю In: *The Russian Pravda: Origin and Study of the Monument of Law. Legal Understanding and Legal Regulation in the History of Russia (Marking the 1000th Anniversary of Written Law in Russia)*. Moscow: Russian State University of Justice Publ.; 2017. P. 32–40. (In Russ.).
3. Staroverova E. V. A Modern View of Russian Pravda Vidok and Poslukh. *Russian State Studies*. 2018;2:21-27. (In Russ.).
4. *Russian Legislation of the 10–20th Centuries. The Legislation of Ancient Rus*. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1984. 432 p. (In Russ.).
5. Pakhman S. O. *On Judicial Evidence in Ancient Russian Law in Their Historical Development*. Moscow: University Publ. House; 1851. 224 p. (In Russ.).
6. Terekhin V. V. Ancient Russian Criminal Procedure (Sources, Principles, Evidence and Their Application Conditions. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;21:47-51. (In Russ.).

7. Stupnikova N. N. Features of the Criminal Process and Procedures of Proof in Ancient Russia. *Matters of Russian and International Law*. 2011;1:31-46. (In Russ.).

8. Karamzin N. M. *The History of the Russian State*. Moscow: Olma-Press Publ.; 2003. 879 p. (In Russ.).

9. Gartung N. *The History of Criminal Justice and the Judicial System of France, England, Germany and Russia*. St. Petersburg: E. Arngol'd's Publ. House; 1868. 206 p. (In Russ.).

10. Kozlovskii P. V. *Types of Evidence in Criminal Proceedings: Evolution, Regulation, Correlation*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2014. 196 p. (In Russ.).

11. Nakhova E. A., Aliev T. T. The History of Law of Evidence as a Comprehensive Institute of Russian Law. *History of State and Law*. 2007;19:18-20. (In Russ.).

12. Spasovich V. D. *Essays. Vol. 3: Articles, Dissertations, Lectures on Legal Issues*. 2nd ed. St. Petersburg: Pravo Publ.; 1913. 544 p. (In Russ.).

13. Vinitskaya Yu. L. On the Concept of Directness in Criminal Proceeding. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2016;16(1):35-43. DOI: https://doi.org/10.14529/law160106 (In Russ.).

14. Bryanskaya E. V. On the Development of Evidence in a Criminal Trial of Pre-Revolutionary Russia. *Siberian Law Herald*. 2014;4:15-20. (In Russ.).

15. Terekhin V. V. The Admissibility of Evidence at the Initial Stage of the Historical Development of the Soviet Criminal Procedure Legislation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;22:9-13. (In Russ.).

Информация об авторе

Алексей Владимирович Смолин, старший преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России (Анкудиновское шоссе, 3, Нижний Новгород, БОКС-268, 603950, Российская Федерация); ORCID: https://orcid.org/0009-0002-4470-6497; e-mail: avsmolin1@gmail.com

About the Author

Aleksei V. Smolin, Senior Lecturer of the Department of Criminalistics at the Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia (3 Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod, BOX-268, 603950, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0009-0002-4470-6497; e-mail: avsmolin1@gmail.com

Поступила | Received 21.07.2023

Поступила после рецензирования и доработки | Revised 04.09.2023

Принята к публикации | Accepted 06.09.2023